

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ И ОЛИЦЕТВОРЯЮЩАЯ ДЕТАЛЬ В КОНТЕКСТАХ ТРОПЕИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О. И. Северская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Поступила в редакцию 30.12.2025 г.
Принята к публикации 15.04.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-6

Статья посвящена исследованию олицетворения (персонификации) в русской поэзии XX века с позиций тропеического взаимодействия в «образном поле». Цели работы состоят в определении статуса олицетворения как тропа и метакомпонента образной системы и модели мира текста, выявлении его роли в формировании «образных полей» и взаимодействии с метафорой, сравнением и метонимией. Исследовательская методология основана на структурно-семантическом контекстном анализе репрезентативной выборки поэтических текстов. Установлено, что олицетворение функционирует как самостоятельный троп в «сильной» позиции однозначного прочтения и как метатекстовый элемент сложных тропеических комплексов в «слабой» позиции, где оно взаимодействует с другими тропами, создавая многозначные образные поля. Особое внимание уделено референтным персонифицирующим метафорам, в которых олицетворение становится маркером авторской точки зрения, моделирующей мир по антропоморфному принципу. Олицетворение является ключевым инструментом создания гибридной дискурсивности, при которой персонифицируемый объект становится «потенциально говорящим», и служит выражением эмпатической позиции говорящего. Перспективы исследования автор видит в комплексном анализе когнитивных, прагматических и семантических аспектов персонификации и разработке новых классификаций олицетворений.

Ключевые слова: взаимодействие тропов, метафорическое перифразирование денотата, образная модель мира, образное поле, олицетворение, персонификация

В поэтической семантике, которую вслед за С.Т. Золяном можно определить как систему взаимосвязанных операторов, соотносящих семантическую систему языка с множеством релевантных миров-контекстов (Золян и др. 2024, с. 16), способы тропеического «словопреобразования» занимают особое место. По замечанию В.П. Григорьева, они формируют образную модель мира, своего рода метасемантический и метаграмматический уровень языкового и концептуального его моделирования (1979, с. 182–186). Традиционно выделяются метафорический, представленный компаративными тропами (метафорой, сравнением и олицетворением), и метонимический принцип образного моделирования. Однако соответствующие им способы словопреобразования не атомарны, а «взаимодействуют друг с другом, оказываются комплексными и разнонаправленными» (Григорьев 1973, с. 69) и образуют

«образные поля», объединяющие разноструктурные тропеические конструкции, которые передают либо один образ, либо серию образов в едином «блоке» (Григорьев 1979, с. 183). Первостепенной задачей, которую и призвана решить эта статья, в этом случае становится выделение «полеобразующего» метатропа.

Сосредоточимся на олицетворении, которое рассмотрим и как самостоятельный троп, и как метакомпонент тропеического комплекса, взаимодействующий с метафорой, сравнением и метонимией. Статья отражает результаты исследования, проведенного методом структурно-семантического контекстного анализа на репрезентативной выборке текстов русской поэзии XX века. Их обсуждение начнем с обзора научных трендов в изучении и определении самого понятия олицетворения и связанных с его ролью в тексте понятий и сущностей.

1. Олицетворение и персонификация в науке первой четверти XXI века

С рубежа XX–XXI веков изучение олицетворения существенно расширилось и трансформировалось, выйдя за рамки традиционных дисциплин (лингвопоэтики, литературоведения и риторики) и приобретя междисциплинарный характер. В целом акцент смещается с вопроса «как устроено олицетворение» на то, «почему и зачем мы его используем» и «как оно работает в реальном общении и мышлении». С позиций когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии олицетворение (часто обозначаемое как «персонификация» или «антропоморфизм») рассматривается как фундаментальный когнитивный механизм освоения сложных явлений и структурирования знаний о мире через антропоморфные проекции. Дискурсология обращает внимание на воздействующий потенциал олицетворения в разных сферах и формах публичного дискурса — от науки до политики и рекламы. Анализируются частотность, контексты и грамматические модели олицетворения, их сходства и различия в разных лингвокультурах. Обращаются исследователи также к семантическим классам персонифицируемых реалий и классам сочетающихся с ними предикатов со значением человеческих действий, состояний и свойств в языке художественной литературы (Константинова 1997; Петрова и др. 2022; Петрова, Северская 2018а; 2018б; Петрова, Фатеева 2019; 2023).

Обсуждается и тропеический статус олицетворения и его отношения с метафорой и сравнением. В этом плане выделяются две позиции. Если Е. А. Некрасова определяет олицетворение как самостоятельный «троп, не связанный с семантическим сдвигом» (1994, с. 15), тем самым отделяя его от метафоры и сравнения, то З. Ю. Петрова и Н. А. Фатеева не разграничивают эти феномены, понимая под олицетворением «метафоры и сравнения со значением персонификации, то есть компаративные тропы, образы сравнений которых относятся к семантической категории “Человек”» (2019, с. 36), одновременно акцентируя узкое понимание термина (Там же, с. 35), исключаящее зооморфность образов.

Отдельно стоит остановиться на понятиях олицетворения и персонификации. В большинстве случаев (особенно в западной научной традиции) они синонимичны, обозначая троп или композиционно-стилистический прием, заключающийся в приписывании неодушевленным предметам, растениям, животным, абстрактным понятиям человеческих свойств, признаков и действий (Greene, Cushman 2016, p. 254; Paxson 2009, p. 40–41; Дубовицкая и др. 2022, с. 514; Мамадалиев, Каримова 2019, с. 21; Петрова, Фатеева 2019, с. 35). Однако встречаются и работы, в которых разграничиваются *олицетворение* (конкретный троп, частный случай персонификации — частичное «очеловечивание» объекта) и *персонификация* (полное, системное отождествление чего-либо с человеком, создания образа-персоны), сближающаяся с аллегорией ((Bane 2013; Zeeman 2020); ср. возражения против синонимизации персонификации и аллегии: (Bauer et al. 2025, p. 231; Paxson 2009, p. 5)). Аллегоричность «очеловечивания» отмечает и Е. А. Некрасова: «Олицетворяющий прием “повернут” от объекта олицетворения в сторону его символического или аллегорического “заместителя”» (1994, с. 23). Ориентируясь на концепцию образной модели мира В. П. Григорьева (1979, с. 183), можно предположить, что олицетворение как троп создает «микрообразы» («образные значения») на уровне текста, тогда как персонификация, вербализуемая в соотносимых лексико-семантических рядах, формирует «макрообраз» — «образное поле».

Некоторые исследователи расширяют трактовку персонификации, выходя за рамки ее понимания как чисто стилистического приема. В частности, Дж. Паксон рассматривает олицетворение (для которого предлагает термин «антропоморфизм») как «главный троп поэтического дискурса», а персонификацию — как «нарратологический семиотический код», который обуславливает дискурсивный дуализм и гибридность текста (Paxson 2009, p. 40–41). Согласно его концепции, персонифицированный объект художественного мира становится «потенциально говорящим “лицом”», обладающим способностью к языку, мышлению, имеющим голос и личность (Ibid., p. 42). Сходную идею развивает теория «двуизотопии», предложенная А. Мамадалиевым и Н. А. Каримовой. Она описывает эффект одновременного «прочтения» высказывания в двух планах: изотопия текста (антропонима) передает точку зрения говорящего, образность; изотопия метатекста (неантропонима) указывает на реальный референт, о котором идет речь (Мамадалиев, Каримова 2019, с. 24). Например, в высказывании: *Лиса рассмеялась* речь о лисе (метатекст), но мы видим ее как персонажа с человеческими чертами (текст). Уточним, что изотопию исследователи, вслед за А. Греймасом (Greimas 1966), понимают как повторяемость близких семантических компонентов.

Учитывая приведенные точки зрения, будем различать олицетворение как единичный (или воплощаемый в серии текстовых реализаций) атомарный троп и персонификацию как дискурсивную стратегию и, в терминах В. П. Григорьева, принцип «денотативного перифразирования».

2. Олицетворение в контексте метафорического «перифразирования»

Называя «принцип перифразирования денотатов» главнейшей категорией лингвистической поэтики, В.П. Григорьев признает, что «моделью связей между словом и образом может служить метафора» (1979, с. 187). С этой точки зрения олицетворение, понимаемое расширительно как «увеличение меры духовности, присущей денотату», признается им дифференциальным признаком метафоры (Григорьев 1973, с. 116). И сопоставление олицетворения с метафорой и рядом семантически одноплановых тропов (Некрасова 1994, с. 13–48), и анализ взаимодействия олицетворения с другими способами словопреобразования в метафорическом контексте (Северская 1994, с. 105–130) на материале русской поэзии XX века убеждают в справедливости такого взгляда.

Важные положения для осознания роли и места олицетворения в образной модели мира и ее вербальном воплощении содержит теория метафорического словопроизводства В.Н. Телия. Критически осмысливая модели метафоризации А. Ричардса, опиравшегося на понятийную теорию значения, и М. Блэка, строившего свою теорию метафоры на основе теории референции, она находит их уязвимость: недостаточное внимание к собственно-человеческому, субъективно-личностному фактору (Телия 1988, с. 33–34). И предлагает свою «модель метафоры, где каждый из ее гетерогенных и разномасштабных компонентов может быть интерпретирован как номинативный параметр, т.е. минимальный осмысленный фрагмент, связанный некоторой функциональной зависимостью с тем, что условно можно назвать замыслом метафоры (ее целью) — условно, потому что в спонтанной речи этот замысел скорее всего остается на уровне бессознательного» (Там же, с. 36).

Основой этой модели стал принцип фиктивности: «Метафора “начинается” с принципа фиктивности, живет им и умирает, если этот принцип перестает осознаваться во внутренней форме наименования» (Там же, с. 48). С этим принципом связаны антропоморфность и антропометричность процесса метафоризации — «способность помыслить одну сущность как если бы она была подобна другой, а это значит соизмерить их в соответствии с собственно человеческим масштабом знаний и представлений, а вместе с тем и с системой национально-культурных ценностей и стереотипов» (Там же, с. 40). С точки зрения В.Н. Телия, антропометричность — это осознание человеком себя «мерой всех вещей» и причина антропоморфности: если *совесть заговорила* (в ком-л.) — это антропоморфная метафора, то выражение *совесть проснулась* (в ком-л.) имеет «более широкий спектр “-морфности”: это может быть любое олицетворение, одушевление и вообще — любое уподобление» (Там же).

Основному принципу метафоризации В.Н. Телия сопоставляет модус фиктивности «как если бы»: «Это и есть то “зажигание”, которое пробуждает в сознании восприятие мира сквозь призму антропомет-

ричности, высвечивающую образно-ассоциативные комплексы, приводит в движение аналогию — когнитивную операцию, вовлекает в интеракцию субъекта метафоры и ее гетерогенные объекты. <...> Если замысел и цель предопределяют основание метафоры, то принцип фиктивности обеспечивает выбор ее носителя или, лучше сказать, донора — того языкового выражения, которое поделится своей “кровью и плотью” с формирующимся понятием» (Там же, с. 42–43). Следует уточнить, что в концепции В. Н. Телия модус понимается не как свойство отдельного высказывания, а как стратегия построения всего коммуникативного акта или текста, способ воздействия на адресата, формирования у него определенной картины мира и нужной эмоциональной реакции. Поэтому к числу отношений, объединяющих субъекта метафоризации и ее вспомогательные средства, кроме модусов фиктивности (“как если бы X был тождествен Y”) и антропометричности, соизмеряющего свойства Y-а со стереотипами в масштабе знаний человека о мире или о языковой картине мира, относятся также оценочный и эмотивный (который передает чувство-отношение, стимулируемое тем, что X предстает в образе Y-а) модусы.

Фактически любая метафорическая «денотативная перифраза», таким образом, будет иметь формулу «X есть как бы Y / X должен рассматриваться так, как если бы он был Y-ом» (Телия 1988), или «Представляя себе X, вообрази Y (в аспекте признака P)» (Крейдлин 1990). Олицетворение в данном случае воплощает модус антропоморфности и антропометричности, связанный с модусом фиктивности, а метафора как смыслообразующая модель создает контекст тропеического взаимодействия.

Структурной единицей контекста взаимодействия становится минимальный контекст каждого из соотносимых тропов, который составляют слова, выявляющие семантический сдвиг и формирующие (или уточняющие) сам характер сдвига. В каждом таком контексте можно выделить «центр» и «периферию» преобразования. В центре оказывается слово (или словосочетание), которое обладает самостоятельным образным значением. Периферию же образует группа слов, которые либо усиливают, либо поддерживают экспрессивное воздействие «центра». При этом взаимодействуют не только они, но и разные «центры» и «периферии» образных структур (Григорьев 1973, с. 69). Взаимодействие тропов приводит к тому, что исходной точкой преобразования становятся те разновидности тропов, в которых отношения частей наиболее проявлены, а основная характеристика «ведущего» тропа превращается в дифференциальный признак тропеических структур, приходящих ему на смену.

Отличие олицетворения от метафоры Е. А. Некрасова видит в том, что «при метафоризации названная деталь или характеристика должна иметь предметный (в расширительном понимании) аналог, <...> при олицетворении такого аналога может не быть» (1994, с. 15). Олицетворяться могут и сущности, в реальности не имеющие предметной основы, но приобретающие ее за счет олицетворяющих деталей.

Так, в следующем примере: *На площадь, убранную странно, / мы все глядели — синий мрак, / собор святого Иоанна / и сотня пестрая зевак...* (В. Набоков), «денотативное перифразирование» затрагивает два элемента образного контекста. Во-первых, персонифицируется *мрак*, обретая способность видеть. Во-вторых, оживляется сопоставленная *собору* стертая общеязыковая олицетворяющая метафора *глядеть* (*смотреть*) *на что-л.* 'быть повернутым в сторону чего-л.', обуславливающая возможность вторичной метафоризации (*окна собора* 'глаза'). В то же время *сотня зевак* имеет конкретную референцию и *глядит* ('направляет взгляд') *на площадь* в прямом смысле, и это действие становится персонификатором, позволяющим сформировать образное поле «глядящих сущностей», обозначаемое словосочетанием *мы все*.

«Центром» преобразования в другом контексте также оказывается олицетворение «засыпающего мира»: *Радио замолкло. Дремлет снег. Бодрствует в Горплане человек* (Е. Долматовский). И здесь персонификацию определяет конкретно-референтное употребление: *человек бодрствует* 'не спит', олицетворяющие детали образуют семантическую оппозицию (*бодрствовать* — *дремать*, **говорить* — *молчать*). Однако в первом случае прием осложняется метонимией (*радио замолкло* 'смолкли голоса, доносящиеся из радиоприемника'), во втором на стертую общеязыковую метафору *дремать* 'быть неподвижным, тихим, оставаться в бездействии' (соответственно: *снег дремлет* 'лежит, не идет') накладывается олицетворяющая деталь (*снег дремлет* 'находится в состоянии полусна'). Метонимия и вторичная метафоризация, возникая на периферии, создает образное поле, соответствующее представлению о человеке, борющемся со сном в момент, когда все в ближайшем и дальнем окружении засыпает.

Наконец, рассмотрим пример, в котором тропы в пределах контекста взаимообратимы: *Вдалеке, меж звездой и дорогой, Сам дивясь, что он здесь и таков, Пролетел лучезарно здоровый И ликующий лыжник снегов* (Б. Ахмадулина). В контексте упомянутой в стихотворении «всё переиначившей безымянной прелести зимы» образ становится стереоскопичным и амбивалентным. С одной стороны, *лыжник пролетел, как* пролетает *снег* (тогда пространство членится по горизонтали: *меж звездой и дорогой* 'на линии горизонта'); б) *снег пролетел, как* пролетает *лыжник* (появляется вертикаль: *меж звездой и дорогой* 'на линии горизонта между небом и землей', *снег* характеризуется как *лучезарно здоровый и ликующий* 'сверкающий, искрящийся, несущий заряд бодрости'). Иными словами, генитивная метафора-сравнение переплетается с олицетворением: это может быть и в прямом смысле *лыжник, ликующий, летящий по снегам*, и *снег-лыжник, летящий с небес* (что подкрепляется языковой полисемией: *лететь* 'быстро передвигаться по воздуху / очень быстро перемещаться в пространстве', *пролететь* 'летя, переместиться / промелькнуть'). Возможно и метонимическое прочтение образа, основанное на смежности *лыжника* и *снега* в референтной и текстовой ситуации.

В подобных случаях, как замечает И. И. Ковтунова, важно «не перенесение свойств лиц на неодушевленные предметы или явления при-

роды, но стремление вступить с ними в тесный контакт, установить связь, чтобы глубже их понять, ярче выразить эмоционально-волевое отношение к ним и таким путем образно представить место человека в мире вещей и явлений» (1986, с. 90). Опираясь на это наблюдение И. И. Ковтуновой, Е. А. Некрасова предпочитает говорить в этой связи не об олицетворении в прямом значении слова, а о «коммуникативной метафоре» (1994, с. 53). В современных исследованиях встречается и термин «синтаксическая метафора», за которым стоит определительная метафоризация адъективных и генитивных словосочетаний, основанная в том числе и на персонификации (Чайко 2022, с. 277–278). Представляется, что точнее и продуктивнее будет говорить о референциальной метафоре, имеющей чисто физическую основу, которая и определяет установление осмысленного взаимоотношения между референтами образов.

Олицетворение, то есть персонификация, в подобных контекстах может использоваться и как самостоятельный троп, и как метакомпонент. Соответственно, можно говорить о «сильной» и «слабой» позициях (Некрасова 1994, с. 15): в первой оказывается олицетворение в чистом виде, во второй — «олицетворяющие детали», а троп не имеет однозначного прочтения.

Примером чистого употребления олицетворения в сильной позиции, где деталь зависит не столько от контекста, сколько от персонифицированного облика субъекта действия, получающего в тексте образное развертывание, может быть «Сказка о дожде» Б. Ахмадулиной, в которой *дождь* характеризуется через семантически однородные олицетворяющие предикаты: *не расставался; шел за мной; смотрел, как сирота; детским пальцем щекотал мне ухо* и др.

Как сильную можно определить позицию развернутого олицетворения и в следующем фрагменте: *Смотри! — ручей надбил скорлупку льда / И снова спрятался, как виноватый. / Он что-то с берега хотел стянуть, Уже струю он протянул, как руку...* (Н. Матвеева), где ручью приписываются действия и эмоции человека, а олицетворение подтверждается осложненным метонимией (*ручей — струя / человек — рука*) метафорическим сравнением, занимающим подчиненную позицию.

В некоторых случаях ассоциация образов по сходству признаков дополняется ассоциацией по смежности в ситуации: *Не дождь ли стучнул пальцем по стеклу? Бегут, шумят осенние ручьи. «Кто там?» — «Откройте, это мы, свои...» Солдаты, нагибаясь, входят в дом И греют руки на огне рудом. <...> Кто б мог, как мы, в лесах, где шли бои, Стучать в окно и говорить: «Свои!»* (Е. Долматовский). Пример интересен параллелизмом двух планов, которым и создается антропоморфный, близкий к метафорическому, образ *дождя-солдата* (и одновременно — референциальная метафора с параллельной метонимией: *дождь — (дождевые) ручьи, солдаты — (солдатские) руки*). В результате олицетворяющая семантика усиливается, но олицетворение как троп становится частью более широкого тропеического контекста, и его позиция ослабевает.

3. Персонифицирующие метатропы

Исходя из понимания персонификации как модуса антропоморфности и антропометричности, выведем структурно-семантическую формулу олицетворения: 'можно сказать, что это не объект X, а человек Y, обладающий свойством / состоянием P, совместимым / сопоставимым со свойствами / состояниями объекта X'.

Объект X — это некий образ, пучок признаков, образующих единое целое, который потом фокусируется в множестве существенных признаков, релевантных в текстовой ситуации, а объект Y воображается как объект-эталон в аспекте тех своих отличительных свойств, которые «фильтруются» по принципу совместимости с множеством существенных признаков X. Так, в образе *крутых белолобых сугробов* (Б. Ахмадулина) *крутые, белые* сугробы обнаруживают совпадение признаков с человеческими *крутыми белыми лбами*. В этом случае олицетворение ничем не осложнено, однако чаще встречаются контексты, в которых персонификация играет роль «ведущего» тропа, но тропеическое взаимодействие ослабляет олицетворение.

4. Олицетворение ↔ Сравнение

Интересный случай взаимодействия олицетворения и сравнения представляет следующий контекст: *Ходит кадык, будто со стыками рельс я разделил глоток* (А. Парщиков). С одной стороны, перед нами сравнение движения кадыка в горле с определенной ситуацией — однако она может быть прочтена референтно: вагон поезда «подпрыгивает» на стыке рельс, пассажир, делая глоток, едва ли не давится от этого толчка, резкость глотка вызывает резкое же движение кадыка... и *ходит кадык* в буквальном, конкретно-референтном смысле. С другой стороны, движение стыка рельс напоминает движение кадыка, и выражение *ходит кадык* в этом ракурсе прочитывается уже как олицетворяющая рельсы деталь. Преобразование поддерживается стертой метафорой: *ходить* 'двигаться вперед и назад'. «Центром» персонифицирования является автор, обозначенный прагматической переменной «я».

Рассмотрим также фрагмент стихотворения А. Вознесенского «Ночной аэропорт в Нью-Йорке»:

*Автопортрет мой, реторта неона, апостол
небесных ворот —
аэропорт!*

*Брезжат дюралевые витражи,
точно рентгеновский снимок души.
Как это страшно, когда в тебе небо стоит
в тлеющих трассах необыкновенных столиц!
<...>*

Звездный десантник, хрустальное чудище,
сладко, досадно быть сыном будущего,
где нет дураков

и вокзалов-торгов —
одни поэты и аэропорты!

Стонет в аквариумном стекле
небо,

приваренное к земле.

<...>

Сто поколений
не смели такого коснуться —

преодоленья
несущих конструкций.

Образное макрополе задано в этом тексте синтаксемой *поэты и аэропорты*, которая может быть расценена как синтаксическая метафора-сравнение, осложненное олицетворением.

Благодаря персонификации *аэропорт* предстает в образе персоны (апостол небесных ворот, звездный десантник), мифологического существа (чудище), части человеческой идентичности (автопортрет, рентгеновский снимок души). Каждое высказывание об аэропорте читается в двух планах одновременно:

— в **изотопии текста** (персонифицированный образ) — аэропорт как живое, обладающее душой, способное чувствовать и выражать свои чувства существо;

— в **изотопии метатекста** (реальный референт) — аэропорт как сооружение с диоралевыми витражами, несущими конструкциями, приваренным стеклом, мигающими огоньками на табло трассами авиамаршрутов.

Вторичная метафоризация (*аэропорт — небо, приваренное к земле*) также сопровождается олицетворением (небо *стонет в аквариумном стекле*). Через олицетворение передается экзистенциальное состояние — страдание, напряжение, вызванное противоестественным соединением стихий.

Точкой пересечения образных полей «поэты» и «аэропорты» становится *преодоление несущих конструкций* — это одновременно и инженерный термин, и метафора духовного, поэтического преодоления границ. Одновременно *рентгеновский снимок души* проецируется на витражи аэропорта, технология становится инструментом проникновения во внутренний мир.

Таким образом, персонификация в этом контексте является когнитивным инструментом осмысления феномена технологического будущего (в образе аэропорта) через человеческие (душевные, мифологические) категории. Она создает устойчивый эффект двуизотопии, где каждый образ существует в двух параллельных реальностях — технической и экзистенциально-поэтической, и при этом функционирует как развернутая метафора-сравнение, строящаяся на синтаксическом и се-

мантическом сближении полей «поэт» и «аэропорт». Эмотивный модус проявляется в передаче системой олицетворений сложной амбивалентной эмоции — восторга и ужаса перед новым миром, где материальная и духовная культура сливаются в гибридных образах «поэтов и аэропортов».

5. Метафора-сравнение ↔ олицетворение

Сложное взаимодействие тропов можно увидеть и в кажущемся на первый взгляд простым примере олицетворяющего сравнения: *Вспыхивает и гаснет **фонарь** — как в кино **артистка*** (Ю. Мориц).

На первом плане — конкретно-референтное употребление номинации *фонарь*, который *вспыхивает* и *гаснет* в буквальном смысле. На втором — сравнение *фонаря* с *артисткой* кино, благодаря которому актуализируется общеязыковое переносное значение у приписываемых *фонарю* предикатов (*вспыхнуть* ‘внезапно и сильно выразить какое-л. чувство / зардеться / воодушевиться’, *гаснуть* ‘ослабевать, утрачивать живость, энергию, воодушевление’): *фонарь как если бы он был артисткой* испытывает и утрачивает сильную эмоцию, воодушевляется и обессиливает — таким образом, *фонарь* и *артистка* становятся метафорическими обозначениями.

Однако здесь можно увидеть и метонимию: проекционный аппарат, который использовался для демонстрации изображений в XX веке, называется «волшебным *фонарем*», а значит *артистка в кино* связывается с *фонарем* по смежности в ситуации (как отчужденное от *фонаря* изображение).

Нечто похожее мы наблюдаем и в другом контексте словопреобразования, в конструкции с эпитетом, внутреннюю форму которой составляет генетивная метафора: *Медлительнее снежный улей, / Прозрачнее окна хрусталь...* (О. Мандельштам). Цепочка преобразований может быть представлена следующим образом: *снежный улей / улей снега* ‘летающий снег’ → *снег как медлительный улей* → *улей медлительных пчел* → *снежинки как пчелы*. Оговоримся, что в этом случае, хоть и происходит «увеличение степени одушевленности денотата», речь не идет об олицетворении в узком смысле: образ сравнения зооморфен, а не антропоморфен. Но модель переосмысления та же: метафора дополняется «ощущающей» деталью, тем самым представленный ею образ имеет двойную изотопию — теста (речь о снеге) и подтекста (*снежинки* воспринимаются как *рой* «замедливающихся» зимой *пчел*).

6. Метафора ↔ метонимия ↔ олицетворение

К уже рассмотренным случаям персонификации, которые осложнены метонимическими сдвигами, актуализированными прямой референцией, добавим еще пару примеров.

В микроконтексте: *Поля в вечерней жалобе... / Вечерние поля в росе* (М. Цветаева) словосочетание *вечерняя жалоба* может быть квалифици-

ровано как метафора *росы* (а параллелизм позволяет говорить и о синтаксической метафоре), предполагающая серию метонимических преобразований: *роса* 'капли' → 'слезы' → *жалоба*. Еще одно метафорическое преобразование основано уже на зафиксированном в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля значении *жалоба* 'траурное платье', которое, в свою очередь, обуславливает ряд метонимических сдвигов: *вечерние поля* → 'покров темноты' → 'темный цвет' → 'траурные одежды' → *вечерняя жалоба* → *вечерняя роса* 'слезы'.

О таком типе метафор писал Дж. Миллер: в метафорах типа «головокружительный склон» скорее выражается отношение причинности (*головокружительный склон* 'опасный спуск' → 'ощущение головокружения'), собственное головокружение наблюдателя проецируется на вызвавший его склон; проективное преобразование отмечается и в метафорических выражениях типа «грустная чашка кофе» ('ему грустно' → 'он грустно пьет кофе' → *грустная чашка кофе*) (Миллер 1990, с. 268). Дж. Миллер приходит к выводу: «Если склон или чашка встраивается как часть в объемлющую ситуацию, то этот троп, возможно, должен описываться как частный случай синекдохи или метонимии» (Там же).

Это ярко проявляется в следующем примере: *Как разниму я сад и дождь / для мимолетной щели светлой, / чтоб птички маленькая дрожь / вместились меж дождем и веткой?* (Б. Ахмадулина). Внутреннюю форму метафоры составляет скрытое метонимическое преобразование: 'ветка и сидящая на ней, дрожащая мелкой дрожью, птица' → 'вспорхнувшая птица' → 'мелко дрожащая ветка' → 'дрожь ветки, принявшей тяжесть птицы, вернувшейся с первым лучом солнца'. Перенос по смежности в ситуации, представляющей предмет изображения в тексте, может дополняться отвлечением признака, который мотивирует метафорический перенос: *дрожь птички* буквальна, *дрожь ветки* — «одушевляющее» метафорична. Олицетворение здесь ослаблено до предела: *дрожь* как состояние человека сообщается *дождю*, *птице* и *ветке* рукой автора-говорящего, *разнимающего* их в саду.

7. Метафора ↔ персонификация / опредмечивание

Дж. Паксон в свою онтологическую модель словопреобразований (которую он предпочитает называть «фигуративным переводом») включает не только антропоморфизм и персонификацию, но и субстанциализацию («опредмечивание») (Paxson 2009, p. 42). Покажем, как они могут сосуществовать в образном поле, определяя те или иные особенности его структуры.

Рассмотрим такой микроконтекст: *Гонит в глазницы стеклам — / Разбиться наверхня — / Встревоженная и мокрая / Зебра березняка. Стынет в разливе речки / вспыхливости горячей, Прядает скворечниками / Струнных пустых ушей* (А. Парщиков). В нем на первый план выходит зооморфная метафора *зебра березняка* (изотопию метатекста создает референт реального мира *березняк* 'роща / лес из берез'; изотопию текста — фауноним *зебра*): черно-белая полосатая шкура зебры действительно

похожа на белую в черных прожилках кору березы. Метафора реализуется и в сопряженных с нею зооморфных предикатах *гонит, прядает ушами (скворечниками, относящимися к изотопии метатекста)*. Но одновременно *зебре березняка* сопоставляются человеческие качества — *вспыльчивость и горячность*, а *скворечники пустых ушей* напоминают о поговорке *в одно ухо влетело, в другое вылетело*, также относящейся к человеку. Олицетворяются и *стекла*, сравниваемые с *глазницами* (и *зебра березняка* возникает в них, в кадре человеческого взгляда). Развернутое олицетворение относится к образу метафорического сравнения, тем самым возникает образ пограничных состояний внутреннего и внешнего, духовного и материального миров. «Опредмечивание» обеспечивает разговорное переносное значение слова *зебра* 'пешеходный переход, размеченный белыми полосами' (еще один элемент реального мира, осмысленный метафорически), эта метафора сопрягается с зооморфным образом за счет признака 'быстрое движение': *зебра березняка* с учетом этого возможного преобразования — уже убегающий от наблюдателя путь в пространство. Именно с позицией наблюдателя в этом случае и связан антропоморфный код.

Олицетворенный мир как бы «смотрит» на человека, становясь его зеркалом: *Лицо дождя, заплаканное в день, Когда он шел, теперь уж просветлело — Его глазами смотришь ты на ветви* (И. Жданов). *Заплаканное лицо, глаза* — точка пересечения двух образных микрополей, характеризующих, с одной стороны, человека, смотрящего на мир сквозь призму дождевых капель (возможно, оставшихся и на оконном стекле), и, с другой, «очеловеченный» дождь, в прямом смысле *идуций*, оставляя на ветвях *слезы-капли*. Олицетворение здесь — маркер точки зрения автора, которую тот предлагает и читателю принять, чтобы войти в мир текста. На возможность использования олицетворяющих деталей и персонификации в этой роли обращают внимание и другие исследователи (Дубовицкая и др. 2022, с. 517).

Наконец, олицетворяющая деталь может лишь косвенно указывать на сравнение с человеком, остающимся неназванным: *И вот снова в тот же день и час, / Но в год иной / Над берегом реки ты прошел... / Я не знаю, где клетки рубашки той, / Что впору пришлишь теперь зеленым полям / И коричневым пашням, / Уходящим вверх на той стороне реки* (В. Аристов). Образ полей и пашен, одетых в рубашку в зеленую и коричневую клетку, мотивирован зрительным впечатлением (чередующимися квадратами зелени и земли), олицетворяющая деталь структурно представляет собой метафорическое сравнение. Это не единственная «текстильная» метафора в тексте: герой входит в *купальни с штапельными пятнами кувшинок*. Но клетки рубашки могут иметь и прямую референцию — к одежде человека, переходящего через реку: он *проходит* — и по мере его движения поля и пашни *уходят* 'простираются, тянутся; удаляются'. Здесь мы имеем образный параллелизм двух микрополей, актуализирующих сходные признаки субъекта и объектов поэтического мира. И опять персонификация создает двойную изотопию: метатекстовую, с конкретно-референтным прочтением, и текстовую, образно-метафорическую.

8. Выводы

Избранный подход к изучению олицетворения позволяет рассматривать его как важный элемент образной модели мира, формирующий метасемантический и метаграмматический уровень языкового моделирования. Олицетворение (частичное «очеловечивание») представляет собой частный случай персонификации (наделение объекта свойствами человеческой личности), которую нередко определяют как способ создания «гибридной дискурсивности», поскольку персонифицированный субъект становится потенциально мыслящим и говорящим, а значит, транслирующим адресату текста некоторую точку зрения и определенное знание о мире, релевантном для референции.

Олицетворение представляет собой не только самостоятельный троп, но и метакомпонент текста, взаимодействующий с другими тропическими структурами (метафорой, сравнением, метонимией). Сильной позицией для олицетворения можно считать контекст однозначного прочтения, слабой — контексты комплексного и разнонаправленного тропического взаимодействия, вследствие которого «перифразирование денотата» становится многозначным. В последнем случае возникают сложные конструкции в рамках одного образного поля, в которых метафора может осложняться олицетворяющими деталями, сравнение — включать персонифицирующие элементы, а олицетворение, метафоры и сравнения — становиться результатом метонимических сдвигов.

В поэзии XX века отчетливо прослеживается тенденция к формированию так называемых референтных персонифицирующих метафор, в которых образ-персонификатор не только создает олицетворение, «повышая меру духовности» некоего объекта мира текста, но и одновременно имеет конкретно-референтное значение, отсылая к говорящему. На рубеже XX—XXI веков олицетворение начинает указывать на присутствие «за кадром» человека, прямо в тексте не названного, но моделирующего мир по своему образу и подобию. Иными словами, придавая художественному высказыванию модус антропоморфности и антропометрии, олицетворение становится выражением «голоса» автора в позиции говорящего, маркером его точки зрения, создающей фокус эмпатии.

Перспективы исследования, как представляется, заключаются в разработке комплексного подхода к анализу олицетворения как многоаспектного явления, включающего когнитивный, прагматический и семантический компоненты. Такой подход потребует как уточнения терминологического аппарата, так и сопоставления лингвистических и психологических аспектов персонификации, разработки комплексных моделей ее описания, а также новых подходов к классификации олице-

творений на основе изучения его синтаксических моделей и семантических классов объектов и сопоставляемых им образов-персонификаторов. Новым направлением может стать и статистический анализ частоты употребления олицетворений разных типов и их дистрибуции в текстах разных жанров.

Список литературы

Григорьев, В.П., 1973. Предисловие. В: *Поэт и слово: опыт словаря*. М., с. 13—170. [Grigor'ev, V.P., 1973. Foreword. In: *The Poet and the Word: An Attempt at a Dictionary*. Moscow, pp. 13—170 (in Russ.)].

Григорьев, В.П., 1979. *Поэтика слова*. М. [Grigor'ev, V.P., 1979. *The Poetics of the Word*. Moscow (in Russ.)].

Дубовицкая, М.А., Монастырецкая, О.В., Филатова, Н.П., Шаповалова, О.Н., 2022. Синестезия и персонификация в художественном тексте: лингвостилистический аспект. *Неофилология*, 8(3), с. 512—519. [Dubovitskaya, M.A., Monastretskaya, O.V., Filatova, N.P. and Shapovalova, O.N., 2022. Synesthesia and personification in the literary text: linguostylistic aspect. *Neophilology*, 8(3), pp. 512—519 (in Russ.)] EDN: HXCGIC, <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-512-519>

Золян, С.Т., Тульчинский, Г.Л., Чернявская, В.Е., 2024. *Прагмасемантика и философия языка*. М. [Zolyan, S.T., Tulchinskii, G.L., Chernyavskaya, V.E., 2024. *Pragmasemantics and philosophy of language*. Moscow (in Russ.)] EDN: RSPTEO

Ковтунова, И.И., 1986. *Поэтический синтаксис*. М. [Kovtunova, I.I., 1986. *Poetic Syntax*. Moscow (in Russ.)].

Константинова, С.К., 1997. *Семантика олицетворения*. Курск. [Konstantinova, S.K., 1997. *The Semantics of Personification*. Kursk (in Russ.)].

Крейдлин, Г.Е., 1990. Некоторые пути метафоризации слов в языке. В: *Логический анализ языка. Тожество и подобие. Сравнение и идентификация*. М., с. 124—130. [Kreidlin, G.E., 1990. Some ways of word metaphorization in language. In: *Logical Analysis of Language. Identity and Similarity. Comparison and Identification*. Moscow, pp. 124—130 (in Russ.)].

Мамадалиев, А., Каримова, Н.А., 2019. К вопросу о семантической основе персонификации. *International Journal of Innovative Technologies in Social Science*, 1(13), с. 21—27. [Mamadaliyev, A. and Karimova, N.A., 2019. On the question of the semantic basis of personification. *International Journal of Innovative Technologies in Social Science*, 1(13), pp. 21—27 (in Russ.)] https://doi.org/10.31435/rsglobal_ijitss/31012019/6325

Миллер, Дж., 1990. Образы и модели, уподобления и метафоры. В: *Теория метафоры*. Перевод В.В. Туровского. М., с. 236—283. [Miller, G., 1990. Images and models, similes and metaphors. In: *The Theory of Metaphor*. Translated by V.V. Turovsky. Moscow, pp. 236—283 (in Russ.)].

Некрасова, Е.А., 1994. Олицетворение. В: *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке*. М., с. 13—104. [Nekrasova, E.A., 1994. Personification. In: *Essays on the History of the Language of 20th Century Russian Poetry. Tropes in Individual Style and Poetic Language*. Moscow, pp. 13—104 (in Russ.)].

Петрова, З.Ю., Северская, О.И., 2018а. Говорящий мир в русской поэзии XVIII—XX вв. *Верхневолжский филологический вестник*, 1, с. 78—90. [Petrova, Z. Yu. and Severskaya, O.I., 2018a. The speaking world in Russian poetry of the 18th—20th centuries. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 1, pp. 78—90 (in Russ.)] EDN: YTRNXW

Петрова, З. Ю., Северская, О. И., 2018б. Говорящий мир человека в русской поэзии XVIII—XX вв. *Верхневолжский филологический вестник*, 2, с. 93—102. [Petrova, Z. Yu. and Severskaya, O. I., 2018b. The speaking world of man in Russian poetry of the 18th–20th centuries. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2, pp. 93—102 (in Russ.)] EDN: XSDANF, <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10040>

Петрова, З. Ю., Северская, О. И., Фатеева, Н. А., 2022. Лексико-семантическая группа «Отсутствие речи» в русской поэзии: конструкции персонификации. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 44(7), с. 8—18. [Petrova, Z. Yu., Severskaya, O. I. and Fateeva, N. A., 2022. Lexical-semantic group “Absence of Speech” in Russian poetry: personification constructions. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 44(7), pp. 8—18 (in Russ.)] EDN: EVIZQZ, <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.811>

Петрова, З. Ю., Фатеева, Н. А., 2019. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 18(1), с. 33—46. [Petrova, Z. Yu. and Fateeva, N. A., 2019. Description of Personification in the Dictionary as a Problem of Poetic Lexicography. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 18(1), pp. 33—46 (in Russ.)] EDN: YTSLKD, <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.3>

Петрова, З. Ю., Фатеева, Н. А., 2023. Образный потенциал слова язык в русской поэзии: конструкции персонификации. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 45(6), с. 108—114. [Petrova, Z. Yu. and Fateeva, N. A., 2023. Figurative potential of the word language in Russian poetry: constructions of personification. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 45(6), pp. 108—114 (in Russ.)] EDN: ONNFWQ, <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2023.947>

Северская, О. И., 1994. Метафора. В: *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке*. М., с. 105—190. [Severskaya, O. I., 1994. Metaphor. In: *Essays on the History of the Language of 20th Century Russian Poetry. Tropes in Individual Style and Poetic Language*. Moscow, pp. 105—190 (in Russ.)].

Телия, В. Н., 1988. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция. В: *Метафора в языке и тексте*. М., с. 26—51. [Teliya, V. N., 1988. Metaphor as a model of meaning production and its expressive-evaluative function. In: *Metaphor in Language and Text*. Moscow, pp. 26—51 (in Russ.)].

Чайко, Н. Н., 2022. Синтаксическая метафора как одно из средств грамматической выразительности в поэзии XIX в. *Современные исследования социальных проблем*, 14(4), с. 274—286. [Chaiko, N. N., 2022. Syntactic metaphor as one of the grammatical expressiveness means in poetry of the 19th century. *Modern Studies of Social Issues*, 14(4), pp. 274—286 (in Russ.)] EDN: QTNRRB, <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-4-274-286>

Bane, T., 2013. *Encyclopedia of Fairies in World Folklore and Mythology*. Jefferson, North Carolina.

Bauer, M., Gerok-Reiter, A., Pawlak, A. and Robert, J., eds., 2025. *Different Aesthetics: Principles – Questions – Perspectives*. Berlin, <https://doi.org/10.1515/9783110768763>

Greene, R. and Cushman, S., eds., 2016. *The Princeton Handbook of Poetic Terms*. 3d ed. Princeton, NJ, <https://doi.org/10.1515/9781400880645>

Greimas, A.-J., 1966. *Sémantique structurale. Recherche de méthode*. Paris.

Paxson, J. J., 2009. *The Poetics of Personification*. Cambridge.

Zeeman, N., 2020. *The Arts of Disruption: Allegory and Piers Plowman*. Oxford, <https://doi.org/10.1093/oso/9780198860242.001.0001>

Об авторе

Ольга Игоревна Северская, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0002-6277-9756

SPIN-код: 7991-2559

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Для цитирования:

Северская О.И. Олицетворение и олицетворяющая деталь в контекстах тропического взаимодействия // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 95 – 111. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-6.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

PERSONIFICATION AND PERSONIFICATING DETAIL IN THE CONTEXT OF TROPEIC INTERACTION

Olga I. Severskaya

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

Submitted on 30.12.2025

Accepted on 15.04.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-6

This article examines personification in 20th-century Russian poetry from the perspective of interaction of tropes. The aim of the study is to determine the status of personification as a trope and metacomponent of the figurative system and model of the textual world, to identify its role in the formation of “figurative fields” and its interaction with metaphor, simile, and metonymy. The research methodology is based on a structural-semantic contextual analysis of a representative sample of poetic texts. The study established that personification functions as an independent trope in a “strong” position of unambiguous reading and as a metatextual element of complex tropes in a “weak” position, where it interacts with other tropes to create polysemantic figurative fields. Particular attention is paid to referential personifying metaphors, in which personification becomes a marker of the author’s point of view, modelling the world according to anthropomorphic principles. The findings emphasise that personification is a key tool for creating hybrid discursivity, in which the personified object becomes “potentially speaking” and serves as an expression of the speaker’s empathic position. The author sees the potential of this research in a comprehensive analysis of the cognitive, pragmatic, and semantic aspects of personification and the development of new classifications of personifications.

Keywords: personification, metaphorical paraphrase, denotation, interaction of tropes, figurative field, figurative model of the world

The author

Dr Olga I. Severskaya, Leading Research Fellow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Russia.

ORCID: 0000-0002-6277-9756

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

To cite this article:

Severskaya, O.I., 2026, Personification and personificating detail in the context of tropic interaction, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3. P. 95–111. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-6.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))